

Прокофьев Сергей

26.03.03

Вербовка новобранцев

Рождественский и Постникова —
Прокофьеву

В истории музыки есть пары композиторов, которые в слушательском представлении загадочным образом оказывались именами взаимоисключающими. Вроде бы о вкусах не спорят (хотя спорят ведь)... И несмотря на то что ревнители творчества одного или другого сочинителя строили логические умозаключения о композиционных принципах, якобы "правильных и неправильных", все равно решительно неясно, отчетливо не любить обоих разом. Самый яркий пример — антагонизм вердианцев и вагнерианцев. Но если даже Чайковский находил возможным выбирать между Генделем и Бахом, предпочитая первого, то что уж говорить о простых смертных. В числе пар, порождающих разговоры на тему, кто больше нравится, — Скрябин и Рахманинов, Шопен и Лист, Дебюсси и Равель и т.д. Такую же разнополюсную позицию заняли в сердцах многих меломанов современники Прокофьев и Шостакович.

Безграничную любовь к Дмитрию Дмитриевичу тысячам слушателей, в числе которых и автор этих строк, привил Геннадий Рождественский, в 80-е годы записавший с оркестром Министерства культуры гору симфоний и других сочинений Шостаковича. И в то же десятилетие маэстро Рождественский с супругой, пианисткой Викторией Постниковой, потрудились над записью концертов и симфоний Прокофьева (с тем же оркестром Минкульта, а также с БСО).

С Прокофьевым вообще Рождественского связывает многое — начиная с личной дружбы, дипломной "Золушки" в Большом театре и заканчивая раскопками и преподнесением публике неизвестныхopusов композитора. С 80-х годов Рождественский и Постникова, наверное, были единственно способными заставить ужиться в одном сердце Шостаковича и Прокофьева, и если один из композиторов даже не добивался душевной привязанности, испытываемой к другому, то вызывал по меньшей мере благовоительный трепет.

Устраивая с Московской филармонией марафон прокофьевских фортепианных концертов, приуроченный к 50-летию со дня смерти

Прокофьева, Геннадий Рождественский и Виктория Постникова как будто повернули время вспять. Тот же оркестр (теперь называющийся оркестром Государственной академической симфонической капеллы под руководством Валерия Полянского), те же солистка и дирижер, та же музыка. Те же характеристичность и задор, мужественность и сила (вопреки мнению, что концерты Прокофьева — не женское дело). На первом вечере звучали Первый, Второй и Четвертый концерты, на втором — оставшиеся Третий и Пятый. И в общем, говорить о достоинствах и недостатках данной акции как частного случая исполнительской практики бессмысленно. Потому что просто не могло произойти что-то, что сместило прицел этих музыкантов, направленный точно в "десятку" прокофьевского стиля. Великие не утрачивают величия из-за пары-тройки незначительных случайностей, даже если досадное недоразумение — первая труба, последовательно игнорирующая священную дирижерскую палочку, — может здорово отравить впечатление. И если безудержный темперамент пианистки, преодолевающей замысловатую "пассажищность" фортепианной партии, бьет через край, так что ее буквально выносит из метра, дирижер все равно остается непоколебим — он точен и скрупулезен, для него отправной точкой является не солистка (и он не аккомпаниатор), а композитор. Впрочем, однажды проникший в самую суть партитуры острый ум, выдавший нужную порцию сарказмов и придавший должное значение всем тематическим и тембровым мимолетностям, к превратностям музицирования вполне индифферентен.

И как бы ни пели злые языки Рождественскому арию Грязного от третьего лица ("Не тот он стал теперь") он остается тем большим художником, кому по силам даже самых верных жрецов "храма Шостаковича", которых он сам и воспитал, обратиться в прокофьевяниство. Хотя бы на время концерта.

Татьяна ДАВЫДОВА

Кувьтара. — 2003 — 20-26 марта. — с. 14